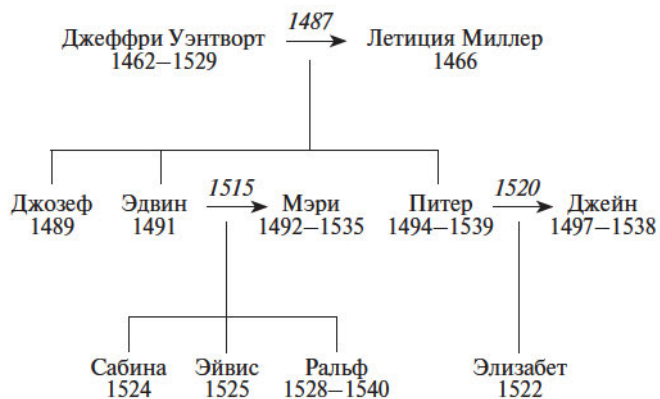

СЕМЕЙСТВО УЭНТВОРТА ВОЛБРУКСКОГО В ЛОНДОНЕ

ГЛАВА 1

Выехав поутру из дома на Канцлер-лейн, я направился в Гилдхолл, чтобы обсудить некоторые обстоятельства дела, в котором я был задействован по поручению Городского совета. Несмотря на то что днем мне предстояла встреча с одним человеком и это обстоятельство не оставляло меня ни на минуту в покое, прогулка по Флит-стрит в тот ранний час доставила мне немалое удовольствие. На ясном голубом небосклоне уже показалось пылающее огнем дневное светило, обещающая ошеломительной жаркой день. Должен заметить, что столь теплая погода в конце мая нашим краям вовсе не свойственна. Однако, предвкушая ее с самого утра, я под мантию надел лишь легкий дублет. Пока мой старый конь Канцлер трусил по зеленым аллеям с недавно распутившейся листвой, я в очередной раз предался размышлениям, последнее время все чаще занимавшим мой ум. А не оставить ли мне судебную практику и не удалиться ли от городской суеты Лондона на заслуженный отдых? Через два года мне должно стукнуть сорок — весьма солидный возраст для мужчины. Возраст, с которого начинается свой отсчет зрелость. Впрочем, если дела будут идти успешно, оставлять их необязательно, и тогда жизнь моя не претерпит особых перемен. За подобными рассуждениями я не заметил, как мы с Канцлером миновали Адмиральский мост со статуями королей Гога и Магога, а впереди замаячила городская стена. Смахнув с себя некоторую расслабленность, я внутренне собрался,

готовясь к очередной встрече со свойственными Лондону дурным запахом и суматохой.

В Городском совете у меня состоялся разговор с мэром Холлисом и барристером из муниципалитета. Городской совет проводил судебное разбирательство дела, касающегося одного из особо отличившихся своей алчностью скупщиков земельных угодий, которые в прошлом принадлежали монастырям. Замечу, что в ходе церковных реформ эти Божьи обители были закрыты и подверглись повсеместному разрушению. Причем последняя из них была стерта с лица земли совсем недавно, а именно весной 1540 года. Тем спекулянтом, о котором ныне шла речь, к моему стыду, оказался представитель школы барристеров, редкий негодяй и мошенник по имени Билкнэп. Завладев небольшим лондонским монастырем, он не спешил подвергнуть его уничтожению, а превратил в своего рода доходный дом, пользовавшийся дурной славой во всей округе. Кроме всего прочего, для своих жильцов он вырыл большую выгребную яму. Однако сделал это из рук вон плохо, поэтому все близлежащие дома, находившиеся в собственности Городского совета, стали страдать от проникающих в их подвалы зловонных отходов.

В ходе разбирательства данного дела Билкнэп был призван к исполнению предписанных ему законом обязательств. Однако негодяй направил протест в Высокий суд Англии, упирая на неправомерность выдвинутых в его адрес обвинений. Незаконными он считал их лишь на том основании, что, согласно первоначальному церковному уставу, монастырь к ведомству Городского совета не принадлежал. Слушание дела в суде было назначено через неделю. В разговоре с Холлисом я взял на себя смелость предположить, что ответчик, вероятней всего, будет признан виновным. Но также не упустил случая заметить, что этот тип принадлежал к тем ненормальным мошенникам, которые весьма редко попадают на пути защитников закона. Такие, как он, скорее

согласятся получить сомнительное удовольствие от пустой траты времени и средств на всякого рода уловки, нежели признать собственное поражение и принять надлежащие меры, как подобает поступить всякому цивилизованному человеку.

Я намеревался вернуться домой той же дорогой через Чипсайд. Однако когда добрался до перекрестка с Лэдлейн, то обнаружил посреди Вуд-стрит перевернутую телегу, перегоревшую всю улицу. Часть груза, который представлял собой медный лом и замшелую черепицу, снятую с крыш монастыря Святого Варфоломея, просыпалась на дорогу, образовав весьма внушительных размеров кучу. Телега была довольно крупная и запряжена парой больших тяжеловозов. И хотя кучер успел одного из них освободить от хомута, второй беспомощно лежал на боку меж оглоблей. Отчаянно колотя огромными копытами по черепице, он превращал ее в столь мелкие осколки, что в воздух вздымались тучи пыли. Охваченный ужасом, конь ржал, блуждая обезумевшим взором по окружавшей его толпе зевак. Я услышал, как кто-то обмолвился, что подобными телегами, но движущимися в обратном направлении, была запружена дорога вплоть до самого Крипплгейта.

Надо сказать, что подобными сценами в Лондоне уже никого не удивить. Грохот камня при разрушении старых зданий в последнее время стал привычным. Однако пустующей земли в перенаселенном городе образовалось настолько много, что ни придворные, ни прочие падкие до легкой добычи люди, на плечи которых свалилось все это добро, не представляли, как с ним управиться.

Развернув Канцлера, я решил проехать другим путем и направил коня в сторону ведущего в Чипсайд хитросплетения узких улочек, которые подчас были столь тесными, что по ним с трудом мог проехать всадник, рискуя при этом задеть головой выступающие карнизы

домов. Несмотря на ранний час, мастерские уже были открыты, а на улицах толпились люди — ремесленники, уличные торговцы и разносчики воды с оплетенными соломой кувшинами. Надо сказать, данное обстоятельство существенно замедляло мое продвижение вперед. Поскольку на протяжении целого месяца погода стояла засушливая, дождевые бочки опустели, что в свою очередь повысило спрос на привозную воду, а следовательно, и прибыли тех, кто ее доставлял в дома. Я снова вспомнил о предстоявшей мне встрече, мысль о которой терзала меня с самого утра и на которую при данном стечении обстоятельств я, скорее всего, мог опоздать.

Вследствие жаркой погоды сточные воды в канаве издавали столь густое зловоние, что, когда оно ударило мне в нос, я невольно сморщился. Потом откуда ни возьмись появилась свинья, перепачкавшая свое рыло в каком-то непонятном мусоре. Она неожиданно бросилась наперерез моему коню, так что я едва успел отдернуть его в сторону, невольно помянув при этом нечистоту. Сорвавшиеся с моих уст проклятия не ускользнули от слуха идущих впереди меня двух молодых подмастерьев в голубых дублетах. Судя по раскрасневшимся и несколько припухшим лицам, они возвращались домой с затянувшейся дружеской пирушки. Один из них, коренастый парень с грубыми чертами лица, услышав мои ругательства, обернулся. Его преисполненный презрительной усмешки взгляд заставил меня тотчас прикусить язык и пришпорить коня. Я словно увидел себя его глазами: бледнолицый горбатый служитель закона в черной мантии и с футляром на поясе, в котором хранилось перо вместо меча.

Оказаться на широкой мостовой Чипсайда было воистину большим облегчением. Возле рыночных лавок сновали толпы людей. Ютящиеся под яркими навесами торговцы зазывали покупателей, беспрестанно выкрикивая: «Что желаете купить, господа?» Иные спорили с почтенными домохозяйками, которых легко было от-

личить по белым чепцам. Среди прочих прогуливалась по рынку в сопровождении вооруженной охраны некая знатная дама, белоснежное лицо которой прикрывал от солнечных лучей тряпочный козырек на шляпке.

Проезжая мимо собора Святого Петра, я услышал громкий крик продавца газетных листовок. Тощий парнишка в черном, заляпанном грязью дублете громогласно вещал толпе: «В Уолбруке пойман и доставлен в Ньюгейт детоубийца!» Приблизившись к нему, я остановил коня и протянул юнцу фартинг. Послюнявив палец, тот вытащил очередной листок и передал мне. Потом поспешно развернулся и, обращаясь к толпе, продолжил на еще более высокой ноте: «Самое страшное преступление года!»

Чтобы прочесть написанное на газетном листе сообщение, я остановился в тенистом местечке возле собора. В его окрестностях, по обыкновению, собралось множество нищих — как взрослых, так и детей. Прислонившись к стенам храма, тощие оборванцы не стеснялись обнажать свои раны и увечья, взывая к жалости прохожих. Поспешно отворотив взор от их молящих взглядов, я вернулся к чтению газеты. Под гравюрой, изображавшей совершенно безликое, окаймленное беспорядочной гривой волос женское лицо, я прочел:

«В Уолбруке совершено ужасное преступление. Ревнивой кузиной убит ребенок. В прошедший воскресный вечер 16 мая сего года в прекрасном доме сэра Эдвина Уэнтворта Уолбрукского, члена гильдии торговцев шелком и бархатом, на дне глубокого садового колодца со сломанной шеей был найден его сын, мальчик двенадцати лет. По показаниям дочерей сэра Эдвина пятнадцати и шестнадцати лет от роду, его столкнула туда кузина Элизабет Уэнтворт, сирота, которую сэр Эдвард после смерти ее отца призрел в своем доме из милосердия. Девушка доставлена в Ньюгейт, где должна будет предстать перед судом, назначенным на 29 мая сего года. Она отказывается отвечать на вопросы обвинения, по-

этому, вероятнее всего, будет подвержена пытке. В случае же признания состава преступления ей предстоит отправиться в Тайборн в ближайший день казни».

Наскоро напечатанная на дешевой бумаге листовка оставила чернильные пятна у меня на пальцах. Засунув ее в карман, я развернулся и направил коня по Патерностер-роу. Происшествие, о котором я узнал из первых рук совсем недавно, ныне стало предметом дешевой шумихи. Виновна девушка или нет, навряд ли можно рассчитывать на беспристрастное отношение к ней со стороны лондонских законников. Нельзя не признать, что повсеместное распространение книгопечатания имело положительные стороны. К примеру, оно позволило нам обрести Библию на английском языке, которая ныне стала достоянием каждой церкви. Между тем у этого новшества была и обратная сторона. На нас посыпались подобные газетные листовки, сулившие немалые доходы их подпольным создателям, равно как и корм палачам. Воистину правы были наши предки, утверждая, что нет ничего прекрасного в подлунном мире, что бы человек ни извратил в силу своей природы.

Когда мы с Канцлером добрались до дома, солнце стояло уже в зените. Развязав ленту головного убора, я почувствовал, что под ней выступила испарина. Едва я спешился, как дверь отворилась и на пороге появилась Джоан, моя прислуга, на пухленьком лице которой запечатлелось явно беспокойное выражение.

— Он здесь, — озираясь, шепнула она преисполненным волнения голосом. — Дядя той девушки...

— Знаю.

Не исключено, что, проезжая по улицам Лондона, Джозеф тоже видел листовку, извещавшую об убийстве своего племянника.

— В каком он расположении духа? — осведомился я.

— Весьма мрачном, сэр. Я проводила его в гостиную. И принесла ему бокал пива.

— Спасибо.

Я передал поводья светловолосому худошавому мальчугану, который резво выскочил мне навстречу. Его недавно наняла ко мне на службу Джоан, чтобы он помогал ей в работе по дому. Канцлер к нему еще не привык и потому упрямо топтался на месте, так что однажды едва не наступил парню на босую ногу. Саймон, так звали юнца, отвесил мне поспешный поклон и, ласково разговаривая с конем, повел его в стойло.

— Нельзя ему позволять ходить босиком, — сказал я. — Надо бы приобрести для него башмаки.

— Но он не желает их надевать, сэр, — покачала головой Джоан. — Твердит, что они натирают ему ноги. Я не раз ему говорила, что в порядочном доме положено носить обувь.

— Скажите ему, что он получит шесть пенсов, если неделю проходит в башмаках, — произнес я и, вздохнув, добавил: — Ну да ладно. Пора идти. Джозеф, верно, меня заждался.

Джозеф Уэнтворт для своих пятидесяти с небольшим лет был человеком краснощеким и весьма упитанным. На нем был великолепного покроя дублет из шерстяной ткани приятного коричневого оттенка, хотя и слишком теплый для стоявшей на дворе погоды, поэтому неудивительно, что его обладатель чувствовал себя в нем крайне неуютно. Вид Джозефа соответствовал роду его занятий: работяга-фермер, владелец небольшого участка неплодородных земель где-то в Эссексе. Двое его младших братьев в свое время отправились искать удачу в Лондон. Он же предпочел остаться в отцовской деревне. Два года назад мне довелось вести дело по защите его фермы от притязаний одного крупного землевладельца, вознамерившегося превратить ее в пастбища для своих овец. Джозеф пришелся мне весьма по душе, поэтому, когда несколько дней назад я получил от него письмо, сердце мое сжалось от боли. Меня

подмывало сказать ему честно, что вряд ли мне удастся помочь в интересующем его вопросе. Однако тон послания был крайне отчаянным, поэтому отказать сразу я просто не решился.

Когда он увидел меня, его лицо тотчас прояснилось. Он поспешно подошел ко мне и горячо пожал руку.

— Добрый день, сэр Шардлейк! Рад вас видеть! Надеюсь, вы получили мое письмо?

— Да, получил. Скажите, вы остановились в Лондоне?

— Да, в небольшой гостинице в Куинхите. Мой брат отказал мне в ночлеге, потому что я встал на защиту племянницы. — Его карие глаза горели отчаянием. — Вы должны мне помочь, сэр. Очень вас об этом прошу. Вы должны помочь Элизабет.

Я решил, что не стоит ходить вокруг да около, и сразу достал из кармана листовку, купленную у мальчишки-газетчика в Лондоне.

— Читали это, Джозеф? — протянув ее своему гостю, осведомился я.

— Да, — ответил он, проведя пятерней по черным кудрявым волосам. — И как только совесть позволяет им говорить подобные вещи? Разве она не считается невиновной, пока не доказана ее вина?

— По закону считается. Но на практике зачастую происходит совсем иначе.

Он достал из кармана искусно вышитый носовой платок и вытер им лоб.

— Я навещал Элизабет в Ньюгейте сегодня утром. О господи, до чего же жуткое место! Она по-прежнему отказывается говорить. — Он провел рукой по круглой, плохо выбритой щеке. — Но почему? Почему она отказывается говорить? Ведь это ее единственная возможность спасти себе жизнь! — Он бросил на меня умоляющий взор, будто я знал правильный ответ.

— Погодите, Джозеф, — предупредительно подняв руку, остановил его я. — Давайте-ка лучше присядем.

И начнем с самого начала. Я знаю только то, что вы написали мне в письме. А значит, не намного больше того, что изложено в этой листовке.

Он с виноватым видом потянулся к стулу.

— Прошу прощения, сэр. Я не слишком хорошо владею пером.

— Итак, насколько я понимаю, один из ваших братьев является отцом погибшего при странных обстоятельствах мальчика. Правильно я говорю? А второй, добрая ему память, был отцом Элизабет?

Джозеф молча кивнул, делая усилие, чтобы взять себя в руки.

— Да, мой брат Питер был отцом Элизабет. Еще мальчишкой он уехал в Лондон, где работал подмастерьем в красильной мастерской. В общем, дела у него шли не так уж плохо, пока Франция не наложила запрет на вывоз своего товара. Словом, за последнее время торговля буквально сошла на нет.

Я кивнул. В самом деле, с тех пор как Англия разорвала отношения с Римом, Франция наложила запрет на торговлю квасцами, которые играли существенную роль в красильном деле. Не зря у нас в стране ходили слухи, будто даже сам король был принужден носить черные чулки.

— Жена Питера умерла два года назад, — продолжал Джозеф. — Когда прошлой осенью на Питера напала кровавая чума, денег хватило только на то, чтобы оплатить похороны. И ничего не осталось для Элизабет.

— У них в семье она была единственным ребенком?

— Да. Она хотела жить со мной, но я думал, что ей будет лучше с Эдвином. Я привык к холостяцкой жизни. Вы же знаете, что у меня никогда не было жены. К тому же у Эдвина были деньги и дворянский титул. — В его голос закралась крупца горечи.

— И ко всему прочему, как следует из этого газетного сообщения, он торгует шелком и бархатом.

Джозеф кивнул:

— У Эдвина умная голова. Будто специально созданная для такого дела. Когда он еще мальчишкой вслед за Питером подался в Лондон, то напрямик направился в мануфактуру. Он нутром чуял, где можно было получить наибольшую прибыль. Теперь у него великолепный дом неподалеку от Уолбрука. Честно говоря, Эдвин сам предложил взять к себе Элизабет. К тому времени он уже дал пристанище нашей матери. Она уехала с фермы десять лет назад. Вскоре после того, как перенесла оспу и потеряла зрение. Эдвин всегда был ее любимцем. — Его лицо чуть тронула кривая улыбка. — Три года назад у него умерла жена, и делами в доме начала заправлять наша мать. Надо сказать, что, несмотря на свои семьдесят четыре года и полную слепоту, она тем не менее умудряется держать всех в ежовых рукавицах.

Я заметил, что он вертит в руке носовой платок с таким усилением, что вышивка на его концах стала рваться.

— Выходит, Эдвин вдовец?

— Да. И отец троих детей. Сабины, Эйвис и Ральфа.

— Как следует из газетного листка, обе девочки уже достигли подросткового возраста. Значит, они были старше своего брата.

— Да, обе светловолосые, хорошенькие. Кожа у них такая нежная. Словом, они целиком пошли в свою мать. Только и делают, что болтают о моде, о кавалерах, о танцах и всяких прочих девичьих пустяках. По крайней мере, до последней недели все было именно так.

— А как выглядел Ральф? На кого он был похож?

Джозеф снова стал терзать в руках носовой платок.

— Он был целиком и полностью порождением собственного отца. Эдвин всегда хотел видеть в нем продолжателя своего дела. До Сабины жена родила ему троих сыновей, но ни один из них не дожил до годовалого возраста. Потом на свет появились две дочери, и лишь за ними — сын. Бедняга Эдвин был без ума от счастья. Может, поэтому он так его избаловал.

Джозеф запнулся.

— Почему вы так считаете?

— Ральф был сущим чертенком. Вечно придумывал какие-нибудь хитрости. Бедная мать была не в силах с ним справиться. — Он закусил губу. — Тем не менее смех у него был жизнерадостный. Помнится, в прошлом году я привез ему шахматы, и они ему так пришлись по вкусу, что он быстро выучился в них играть. И даже вскоре победил меня.

В тоне его голоса я ощутил, что Джозеф глубоко переживает одиночество, в которое поверг его разрыв с родственниками. Должно быть, нелегко ему дался этот шаг.

— Как вы узнали о смерти Ральфа? — тихо осведомился я.

— Я получил письмо от Эдвина. Он послал его скорым гонцом на следующий день после трагического происшествия. Просил меня приехать в Лондон. Ему нужно было опознать тело Ральфа, но в одиночку он этого сделать не мог.

— И вы поехали в Лондон? Это было неделю назад?

— Да. Мы совершили опознание тела. Это было ужасно. Бедный Ральф лежал на грязном столе в своем маленьком дублете. В лице не было ни кровинки. Бедный Эдвин не выдержал и заплакал. Я никогда не видел, чтобы он прежде себе это позволял. Он рыдал у меня на плече, приговаривая: «Мой мальчик, мой маленький мальчик. Чертова ведьма!»

— Очевидно, имея в виду Элизабет?

Джозеф кивнул:

— Потом мы предстали перед лицом закона, чтобы дать свидетельские показания. Слушание дела было недолгим. Я даже удивился, что все так быстро закончилось.

— Да, — кивнул ему в ответ я. — Гринуэй не любит долго церемониться. Кто именно давал свидетельские показания?

— Прежде всего, Сабина и Эйвис. До чего же странно было видеть их там. До сих пор не пойму, как им уда-

валось сохранять спокойствие и самообладание. Мне казалось, что обе бедняжки будут трепетать от постигшего их семью ужаса. Они повели суду о том, что в роковое утро занимались рукоделием в доме. А Элизабет сидела под деревом у садового колодца и что-то читала. Они видели ее через окно в гостиной. Равно как видели то, что к ней подошел Ральф и о чем-то с ней заговорил. Потом они услышали крик. Страшный, удаляющийся крик. Они оторвались от работы и обнаружили, что Ральф куда-то исчез.

— Исчез?

— Да, исчез. Они сразу выбежали в сад. Элизабет стояла на краю колодца. Лицо ее было искажено таким гневом, что девочки поначалу боялись к ней приблизиться. Меж тем Сабина все же осмелилась спросить, что произошло. Но Элизабет ей ничего не ответила. И вообще с тех пор больше не вымолвила ни слова. Сабина рассказала, что они взглянули на дно колодца, но ничего не смогли разглядеть, ибо он был слишком глубоким.

— Это был действующий колодец?

— Нет. Из-за поступающих на протяжении многих лет нечистот грунтовые воды в Уолбруке стали грязными и непригодными к употреблению. К тому же Эдвин вскоре после того, как купил этот дом, провел к нему под землей трубу для подачи воды. Это было как раз в тот год, когда король женился на Анне Болейн.

— Должно быть, данное новшество вылилось ему в весьма кругленькую сумму.

— Эдвин — человек состоятельный. Однако ему все же следовало чем-нибудь заколотить колодец сверху. — Он потряс головой. — Давно надобно было это сделать.

Я живо представил картину падения в темный колодец, дикий крик ребенка, отзывающийся эхом от его сырых каменных стенок. И, несмотря на жаркий день, меня бросило в дрожь.

— Что девочки рассказывали еще?

— Эйвис побежала в дом дворецкого Нидлера. Он принес веревку и спустился на дно колодца. Ральф лежал со сломанной шеей. Его бедное тельце было еще теплым. Нидлер вытащил его.

— А сам управляющий давал свидетельские показания?

— О да. Дэвид Нидлер тоже предстал перед судьями. — Джозеф почему-то нахмурился.

— Этот человек вам несимпатичен? — мельком взглянув на него, спросил я.

— Весьма наглый тип. Вечно глумливо на меня смотрит. Косится всякий раз, когда я навещаю родню.

— Выходит, согласно показаниям девочек, ни одна из них не видела, что на самом деле произошло?

— Нет. Они оторвались от своего занятия лишь после того, как услышали крик. Элизабет часто сидела в саду одна. Ее отношения с остальными членами семейства не сложились с самого начала. Особую неприязнь она питала к Ральфу.

— Ясно. — Я прищурил один глаз. — А что собой представляет Элизабет?

Откинувшись на спинку стула, он положил смятый носовой платок на колени.

— В некотором роде она похожа на Ральфа. Такие же темные волосы и глаза, как у прочих представителей нашей ветви семейства. Помимо этого, она унаследовала у нас еще одну характерную черту — делать все по-своему. Родители потворствовали ее прихотям, ибо она у них была единственным ребенком. Она могла быть дерзкой. Могла выдвигать свои требования тоном, который не подобает иметь молодой девушке. И вместо того чтобы разделять заботы своих сверстниц, предпочитала изучать книги. Кроме того, она неплохо играла на спинете и обожала вышивать. Она еще молода, сэр, очень молода. И уверяю вас, у нее доброе сердце. Она всегда выручала всех уличных котов и собак.

— Понятно.

— Однако нужно признать, что после смерти Питера она изменилась. И неудивительно. Сначала у нее умерла мать, потом отец. Затем продали их дом. Она замкнулась в себе, сэр. Перестала быть приветливой и разговорчивой девушкой, которую я некогда знал. Когда после похорон Питера я сказал ей, что для нее будет лучше, если она переедет к Эдвину, а не ко мне, сначала она метнула в меня исполненный невыразимого гнева взгляд. А потом отвернулась и больше не обронила ни слова.

Воспоминания, очевидно, растрогали моего гостя, ибо в уголках его глаз я заметил навернувшиеся слезы, которые он попытался скрыть.

— И когда она переехала к Эдвину, отношения с членами его семьи, насколько я понимаю, сложились не лучшим образом?

— Да. После смерти ее отца я навещал их несколько раз. Поверьте, сэр, я проявлял искреннюю заботу об Элизабет. И всякий раз, когда я там появлялся, Эдвин с моей матерью заявляли мне, что общаться с ней становится все труднее и труднее. Говорили, что подчас она бывает просто невыносимой.

— В каком смысле?

— Отказывается со всеми разговаривать. Часами не покидает своей комнаты. Отказывается от еды. Даже не заботится о том, чтобы поддерживать в чистоте и порядке свою одежду. Если кто-нибудь пытается ей сказать слово в упрек, она либо молчит, либо впадает в истерику, требуя оставить ее в покое.

— Значит, со своими двоюродными сестрами и братом она тоже не слишком ладила?

— Думаю, что Сабина и Эйвис в ее присутствии чувствовали себя несколько неловко. Они говорили следователю, что пытались заинтересовать ее своими девичьими увлечениями, но Элизабет всякий раз указывала им на дверь. Ей уже восемнадцать, сэр. Она несколько старше их. Тем не менее все они еще девчонки. Дети Эдвина вхожи в высшие круги общества. И могли бы

многому научить Элизабет. — Он снова закусил губу. — Я так надеялся, что она сумеет устроить свое будущее. И вот к чему это привело.

— А почему вы считаете, что более других она невзлюбила Ральфа?

— Как раз это мне и непонятно. Эдвин как-то обмолвился, что стоило Ральфу приблизиться к ней, как она метала на него такой взгляд, что любого на его месте мог бы пробрать тихий ужас. Я имел возможность убедиться в том собственными глазами, когда гостевал у них в нынешнем феврале. Это случилось за столом во время обеда, на котором присутствовали все домочадцы. Неприятный выдался тогда вечер, сэр. Мы ели жареное мясо, брату оно весьма пришлось по вкусу, а вот Элизабет, по всей видимости, нет. Во всяком случае, сидя за столом, она играла со своим куском на тарелке. Моя мать сделала ей строгое замечание, но та не приняла его к сведению. Потом к ней довольно мирно обратился Ральф, спросив, нравится ли ей красное мясо. Она внезапно побледнела и, положив нож, смерила его таким злобным взглядом, что я даже заподозрил...

— Да.

— Я заподозрил, что у нее не все в порядке с головой.

— Не знаете ли вы какой-нибудь причины, из-за которой Элизабет могла бы питать ненависть к этой семье?

— Нет. Эдвин сам был озадачен. Не мог понять, что с ней происходит с тех самых пор, как она перебралась в их дом.

Меня интересовало, не было ли в доме сэра Эдвина какой-нибудь тайны. Каких-нибудь известных Джозефу обстоятельств, о которых он знал, но не говорил, — тех, которые зачастую являются обычным делом в семье. Хотя мне казалось, что он был со мной вполне откровенным.

— После того как нашли тело, — продолжал он, — Дэвид Нидлер запер Элизабет в ее комнате и послал письмо Эдвину. Брат примчался домой на лошади и бро-

сился к комнате Элизабет. Но она наотрез отказалась отвечать на его вопросы. Тогда он вызвал констебля. — Джозеф развел руками. — Что еще ему оставалось делать? Он беспокоился за безопасность дочерей и своей престарелой матери.

— А как проходил допрос? Неужели Элизабет так ничего и не сказала? Ни единого слова?

— Нет. Следователь предупредил, что ее показания являются единственной возможностью себя защитить, тем не менее она продолжала сидеть, тупо взирая на него своим холодным пустым взглядом. Это привело его в сушее бешенство. И судей тоже. — Джозеф вздохнул. — Суд признал, что Ральфа убила Элизабет Уэнтворт, и ее приказали отправить в Ньюгейт. Там ей предстоит выслушать свой смертный приговор. За проявленную по отношению к судьям дерзость он распорядился поместить ее в Яму. А потом...

— Да?

— Потом Элизабет обернулась и посмотрела на меня. Всего на секунду. Сколько горечи и отчаяния было в этом взгляде, сэр. Ни капли гнева, одна лишь горечь. — Джозеф снова закусил губу. — В старые добрые времена она меня любила. Обожала гостить у меня на ферме. Братья считали меня деревенщиной, а Элизабет любила нашу ферму. Как только приезжала к нам, сразу бросалась навестить животных. — Он грустно улыбнулся. — Совсем маленькой она пыталась заигрывать с овцами и свиньями, как это делала со своими котятами и щенками. И очень удивлялась, когда они не отвечали ей взаимностью. — Он начал расправлять свой носовой платок. — Вот это она вышила для меня. Два года назад. Во что я только сейчас его превратил! Когда я навещал ее в этом ужасном месте, где она находится ныне, то пришел в ужас. Вся в грязи, она лежит, не вставая. Как будто смирилась с судьбой и ждет смерти. Я умолял ее со мной поговорить, но она смотрит сквозь меня, будто никого перед собой не видит. А суд назна-

чен на эту субботу. Осталось всего пять дней. — Голос его оборвался и перешел в шепот. — Подчас я думаю, что она ненормальная.

— Погодите, Джозеф. Пока нет никаких оснований так думать.

Он поднял на меня умоляющий взор:

— Вы сможете ей помочь, сэр Шардлейк? Сможете ее спасти? Вы моя последняя надежда.

С минуту я молчал, тщательно подбирая в уме слова.

— Против нее выдвинуты слишком серьезные обвинения. Их достаточно, чтобы признать ее виновной. Если Элизабет ничего не скажет в свою защиту... — Я запнулся, после чего добавил: — А вы уверены, что она невиновна?

— Да, — не задумываясь, ответил он, стукнув кулаком себя в грудь. — Я чувствую это сердцем. Она всегда была доброй душой. Единственной из всех представителей нашей семьи, у которой я встретил истинную доброту. Даже если предположить, что она не вполне здорова рассудком. Господь свидетель, это вполне может быть. Тем не менее я не могу поверить, что она способна убить двенадцатилетнего мальчика.

Я сделал глубокий вдох.

— Когда она предстанет перед судом, ее спросят, признает ли она себя виновной или нет. Если она ответит отрицательно, то по закону пытки к ней будет применяться нельзя. Однако будет гораздо хуже, если она вообще откажется говорить.

— Знаю, — кивнул Джозеф.

— В таком случае ее подвергнут так называемому *reine forte et dure*¹. При этой пытке люди испытывают сильные и острые боли. Сначала ее, закованную в цепи, бросят в темницу Ньюгейта. Потом под спину подставят острый камень, а на грудь водрузят доску, поверх которой будут класть груз.

¹ Наказание за непослушание властям (*фр.*).

— Если б она только заговорила... — Исторгнув стон, Джозеф закрыл лицо руками.

Но несмотря на его отчаяние, я продолжал. Он должен был знать, что предстоит вынести его племяннице.

— Еды и воды ей будут давать очень мало. А груз класть поверх доски с каждым днем все больший. И так будет до тех пор, пока она не заговорит или не умрет от удушья под действием давящего на нее пресса. В конце концов наступит миг, когда ее позвоночник сломается. — Я остановился. — Некоторые смелые личности отказываются отвечать на выдвинутые в их адрес обвинения и позволяют замучить себя до смерти. Дело в том, что, пока их вина не доказана, государство не имеет права присвоить себе их собственность. Есть ли у Элизабет какая-нибудь собственность?

— Никакой. Вырученных за продажу дома средств хватило лишь на то, чтобы покрыть долги Питера. После этого остались гроши, и те все пошли на его похороны.

— Послушайте, Джозеф. А что, если она и впрямь совершила это ужасное злодеяние, к примеру, в приступе беспамьятства. А ныне чувствует себя такой виноватой, что хочет умереть средь мрака темницы. Об этом вы никогда не думали?

Он покачал головой:

— Нет. Я не могу в это поверить. Просто не могу поверить.

— Вы знаете, что при разбирательстве дел осужденных преступников не дозволено проводить коллегиальное судейство?

Он мрачно кивнул.

— Причина заключается в том, что улики, необходимые для вынесения обвинительного приговора, являются столь неопровержимыми, что никакого совета не требуется. Боюсь, это сущая чепуха, ибо дела обыкновенно рассматриваются чрезвычайно поспешно. А решение судей являет собой не более чем обыкновенное

предпочтение того или иного мнения. Зачастую они милуют осужденных лишь на том основании, что большинство служителей закона предпочитают лишний раз не отправлять людей на виселицу. Но в данном случае, — я бросил взгляд на лежавший на столе злосчастный газетный лист, — речь идет о детоубийце. Поэтому их симпатии будут на другой стороне. Ее единственная надежда — согласиться на защиту и рассказать мне все, что произошло. И если она в самом деле действовала в приступе помешательства, я мог бы сослаться на ее невменяемость и просить суд о помиловании. Это спасло бы ей жизнь. Ее отправили бы в сумасшедший дом. А у нас появилась бы возможность ходатайствовать за нее у короля.

Я понимал, что это потребует значительной суммы денег, гораздо больше той, которой располагал Джозеф.

Он поднял на меня глаза, и впервые за время нашего разговора я заметил искру надежды в его взгляде. Я понял, что слова «просить суд о помиловании» произнес, не подумав, и тем самым невольно выразил свое согласие взяться за это дело.

— Но если она будет молчать, — продолжил я, — ей никто не сможет помочь.

Он подался вперед и горячо сжал мою руку своими влажными ладонями.

— О, благодарю вас, сэръ Шардлейк. От всей души благодарю. Уверен, вы спасете ее.

— Однако у меня такой уверенности отнюдь нет, — резко произнес я, после чего добавил: — Но я попытаюсь.

— Я вам за все заплачу. У меня не так много средств, но я вам заплачу за труды.

— Я должен поехать в Ньюгейт и встретиться с ней. Осталось всего пять дней. Нужно увидеть ее как можно скорее. Но меня держит одно дело в Линкольнс-Инн. Боюсь, я смогу завтра освободиться только к вечеру. Давайте для начала встретимся с вами в таверне «Метла».

Той, что находится по соседству с Ньюгейтом. В девять часов вас устроит?

— Да-да. — Он встал и, засунув носовой платок в карман, пожал мне руку. — Вы хороший человек, сэр. Божий человек.

«Скорее, ненормальный и бесхребетный», — заметил я про себя.

Тем не менее лестные слова Джозефа меня глубоко тронули. Я знал, что все члены его семейства были убежденными реформаторами, и услышать подобные заверения из их уст можно было крайне редко.

— Моя мать и брат убеждены в ее виновности. Они пришли в ярость, когда я сказал, что хочу ей помочь. Но я должен узнать правду. Во время дознания я обратил внимание на одно весьма странное обстоятельство. Нас с Эдвином оно просто поразило...

— Что именно?

— Мы увидели тело мальчика спустя всего два дня с того времени, как он умер. Хоть весна в этом году выдалась теплой, трупы хранятся в глубоком подвале, где достаточно холодно. Бедняжка Ральф находился там в своей одежде. Тем не менее от него невообразимо разило вонью. Смердело так, как от отрубленной коровьей головы на скотобойне в жаркое лето. От этого запаха мне даже стало дурно. И следовательно тоже. Я думал, что Эдвин лишится чувств. Что это может значить, сэр? До сих пор пытаюсь решить эту загадку. Что бы это могло означать?

— Друг мой, мы не в силах понять сути половины окружающих нас вещей. Хотя подчас они ровным счетом ничего не значат.

Джозеф покачал головой:

— Однако Господь желает, чтобы мы искали истину. Он дает нам ключи. К тому же, сэр, если это дело не будет решено и Элизабет умрет, истинный убийца, кто бы он ни был, останется на свободе.